

Невербальное поведение людей разных культур в диалоге I: финская и русская жестовые системы¹

The nonverbal behavior of people of different cultures in a dialog I: Finnish and Russian gesture systems

Крейдлин Г. Е. (gekr@iitp.ru)

Российский государственный гуманитарный университет,
Институт лингвистики, Москва

В работе излагаются некоторые размышления внешнего, так сказать, стороннего, наблюдателя о финской невербальной знаковой культуре, некоторых невербальных знаках и моделях диалогического поведения финнов. В целях сопоставления привлекается соответствующий русский материал.

1. Общая характеристика финской жестовой системы

До настоящего времени финские жесты систематическому анализу не подвергались (жесты я понимаю здесь широко, т. е. как включающие в себя жесты рук, ног, головы и плеч, позы, мимические жесты, знаковые телодвижения, знаки-касания, знаки-взгляды и комплексные вербально-невербальные знаковые формы поведения — манеры). Больше того, мне не известны даже работы, которые были бы посвящены каким-то отдельным сторонам финской невербальной культуры или отдельным финским жестам. Между тем мои наблюдения над коммуникацией финнов, проведенные интервью и обсуждение с довольно широкой молодежной аудиторией² невербальных знаков, которые жители финских городов (Хельсинки, Тампере, Иматра, Турку) часто используют в повседневной коммуникативной практике, позволяют утверждать следующее. В финской культуре, прежде всего городской³, есть целый

ряд непривычных для нас и весьма интересных для научного анализа невербальных феноменов.

Хотя в диалоге финны, разумеется, пользуются соматическими знаками, их жестовый код сильно редуцирован в физиологическом отношении и довольно скромен в отношении количественном. Лексическая система языка финских жестов состоит в основном из смеси шведских, немецких и русских знаков, и все эти знаки бесконфликтно живут в культуре и устной коммуникации финнов.

На функционирование финских жестов очевидное влияние оказывает протестантская культура, осуществляющая негласный контроль над телесной этикой (о телесной этике и невербальном контроле см. Крейдлин 2002а; Крейдлин 2005) и невербальным этикетом интерактивного поведения (о невербальном этикете см. Крейдлин 2002а; Крейдлин 2002б; Морозова 2004). Это влияние проявляется, прежде всего, в разных способах **сокрытия тела**, что, в свою очередь, выражается в очевидной минимизации телесных манифестаций, в упрощении — вплоть до полного бездействия и молчания — материальных знаковых средств выражения смысла, и в явном **культивировании понятий стыда и скромности**. Последнее отражается, в частности, в стремлении (1) избегать в диалоге невербальных действий, в частности движений, в результате которых партнер теряет лицо в глазах собеседника и, возможно, в глазах других людей, и в склонности (2) к постоянной и осознанной рефлексии своего невербального поведения. Иными словами, если воспользоваться семантическим языком А. Вежбицкой, финны все время 'думают о том, что другие могут подумать о твоём поведении сейчас'.

Финская культура, и не только невербальная, отличается простотой и самоограничением. Финны, если это не необходимо, с вами не будут разговари-

¹ Работа поддержана коллективным грантом РГНФ — проект 07-04-00203а.

² Широкое обсуждение жестов и разных особенностей невербального поведения финнов проводилось мной, в основном, в двухнедельный период пребывания в Хельсинки в ноябре 2006 года, когда я читал лекции студентам отделения семиотики Александрова института Хельсинского университета. Однако коллекция жестов создавалась и пополнялась также в другие, как более ранние, так и более поздние, поездки в Финляндию.

³ За время пребывания в Финляндии я провел (в общей сложности) пять дней за пределами финских городов, на хуторах, и, насколько я могу судить, невербальное поведение живущих там финнов обладает по сравнению с поведением городскими жителями своей спецификой.

вать, и уж тем более не станут без необходимости активно жестикулировать. В своей массе они послушны и скромны в поведении. Особенно внимательно они относятся к людям, которые старше по возрасту или по социальному положению; кажется даже, что финны уважают старших больше, чем себя, и со старшими молодые финны ведут себя особенно сдержанно. Вера финнов в свою политическую систему, социальную защищенность (что, безусловно, абсолютно оправданно) и религию заставляет их быть чрезвычайно восприимчивыми к механизмам контроля диалогического поведения не только своего, но и партнера и тонко чувствовать изменения в способах и моделях такого поведения.

Люди многих культур приписывают финнам такие качества, как задумчивость, медлительность, чрезмерную серьезность и молчаливость, а серьезность и в еще большей степени молчание связывают с аскетизмом финнов и в какой-то мере с асоциальностью. В фильмах режиссера, получившего мировую известность, Аки Каурисмяки, герои ведут своеобразные длительные диалоги молчания без особой жестикуляции, причем, по мнению кинокритиков, эти диалоги занимают важное место в этической и эстетической системе режиссера. Историческая традиция протестантской этики учит финнов уделять больше внимания духовным и когнитивным параметрам и измерениям жизни, а не телесным, а в молчании, как говорят финны, проявляются близость людей и мудрость.

Сильную конкуренцию внутреннему влиянию на коммуникативное поведение финнов протестантской культуры и этики оказывает влияние внешнее. Оно идет, по всей видимости, от англосаксонской культуры, главным образом, американской. Современный финский жестовый язык постоянно пополняется из телеразговоров, электронных СМИ, кино и театра, где число американских и английских текстов превосходит, по мнению моих, в основе своей критически настроенных финских студентов, все допустимые нормы.

Впрочем, внутреннее влияние протестантской этики пока еще явно преобладает. Неслучайно поэтому многие финны, в особенности молодые, говорят о том, что их поведение до сих пор часто интерпретируется носителями других культур как изоляционизм и аскетизм, а то и как нежелание общаться или простое занудство — в общем, как нечто крайне неприятное и досаждающее другим, что приходится терпеть.

2. Некоторые финские жесты и модели коммуникативного поведения

Теперь я остановлюсь на некоторых финских жестях и рассмотрю отдельные способы и модели невербального и смешанного, вербально-невербального, диалогического поведения финнов.

План дальнейшего изложения таков.

Сначала речь пойдет об особых дейктических жестах двумя руками и характерном использовании финнами так называемых жестовых удлинителей. Удлинители — это такие материальные объекты, которые, не будучи частями тела человека, могут служить составным элементом того или иного жеста. Например, русский жест **показать пальцем** часто осуществляется ручкой или другим подобным предметом (карандашом, веточкой и т. п.), как бы составляющими продолжение руки. Между тем название жеста, будучи конвенциональным и вполне устойчивым, при этом сохраняется: жеста **показать ручкой** в русском языке жестов нет. Аналогично, исполняя жест **помахать рукой** <на прощание>, женщина может воспользоваться платком или шалью, а мужчина — шляпой, шапкой, шейным платком и др., и всё это будут удлинители руки⁴.

После разбора дейктических жестов я остановлюсь (б) на одном интересном финском невербальном феномене — так называемых прерванных жестах и поговорю (в) о финских жестах-взглядах. Однако для этого мне понадобится ввести или напомнить ряд понятий и терминов науки невербальной семиотики.

В невербальной семиотике выделяются три семиотических класса жестов. Это (а) **эмблематические жесты**, или **эмблемы**, имеющие самостоятельное лексическое значение и способные выражать и передавать его в диалоге отдельно и независимо от вербального контекста. Это (б) **иллюстративные жесты**, или **иллюстраторы**, выступающие в диалоге только вместе с речью и указывающие или выделяющие в ней или каких-то других элементах диалога некоторый объект или фрагмент. И, наконец, это (в) **регулятивные жесты**, или **регуляторы**, управляющие ходом диалога — устанавливающие, поддерживающие или завершающие диалог.⁵

Некоторые эмблемы и иллюстраторы содержат в своей семантике указание на участников актуальной ситуации общения, на объект и его признаки, на место и время, релевантные для данной ситуации. Например, для невербального выражения смысла 'я' европейцы и американцы часто показывают указательным пальцем или рукой на область сердца или груди, а китайцы — на нос. Такого рода эмблемы или иллюстраторы, не важно, — называют **дейктическими**, или **указательными, жестами**. Примерами русских дейктических жестов являются единицы **подзывать рукой, показать рукой, показать пальцем, показать глазами, поманить пальцем**.

⁴ Подробно об удлинителях см. в СЯРЖ 2001; 3].

⁵ Об этих классах жестов см. в книгах.

Различие между дейктическими эмблемами и дейктическими иллюстраторами состоит только в том, сопровождают ли они речь и, если да, то с какой степенью обязательности. Впрочем, граница между этими двумя видами жестов не является жесткой.

Дейктические иллюстраторы дополнительно к вербальному сообщению указывают на человека, объект, размер, место даже том случае, когда референт в актуальном пространстве диалога отсутствует (ср. фразы *Я только что оттуда* и *Подойдите ко мне вот настолечко поближе* с соответствующими жестами). Кроме того, они могут указывать на время или на стадии события, о котором идет речь в повествовании, ср. последовательность движений, сопровождавшую устный рассказ: *Сначала* — рука идет в сторону — *он встал, потом* — рука отводится еще дальше — *пошел к двери* <...>. А слова *вон там* часто сопровождаются комплексом иллюстраторов — **кивком головы** и **взглядом** в сторону человека или предмета, которые могут указывать также на объекты, отсутствующие в поле зрения собеседников. Для невербальной характеристики диалога присутствие/отсутствие в нем третьего лица является важным фактором.

В работах Крейдлин 2007, 2008 было показано, что форма дейктических жестов определяется значениями трех признаков, а именно, (1) 'каков активный орган жеста и/или какова его рабочая часть'; (2) 'каково направление этого органа (части) в данном жесте' и тем (3) 'какова (для мануальных жестов) ориентация ладони'.

Русские дейктические жесты осуществляются чаще всего рукой (причем, и это важно (!), обычно одной рукой) или пальцами руки — указательным, большим и мизинцем⁶. Кроме того, русские иногда указывают головой и глазами. А в других культурах и даже окказионально в русской культуре для указаний могут использоваться также другие части тела. Например, в ряде стран Латинской Америки распространена указательная жестовая комбинация: **подбородок — взгляд**, ср. предложение, демонстрирующее возможность указания подбородком у русских: *Что все это значит? — и он строго указывает подбородком на злополучную расписку (С. Гандлевский)*. У некоторых народов есть указательные жесты ноги (De Jorio 2000, 70–74), а масаи в Африке (Sherzer 1972), индейцы Куна в Панаме (Enfield 2002) и некоторые другие народы широко пользуются указательным жестом, совершаемым нижней губой.

⁶ Мизинцем часто показывают маленькие дети. Гораздо реже им пользуются для указания взрослые; делают это, главным образом, женщины, причем в игровой, «заговорщицкой» или шуливой ситуации/ манере, например, когда взрослый ведет себя, как ребенок.

Теперь перейду к финским дейктическим жестам.

У финнов в городах (на хуторах я его не видел) можно встретить свой, крайне необычный для нас указательный жест, совершаемый сразу двумя руками. Его можно назвать «**махать двумя руками**». Человек держит руки почти горизонтально перед собой на уровне плеч. Локти чуть прижаты к корпусу. Пальцы вытянуты и раскрыты, руки поднимаются и опускаются приблизительно в той же манере, с какой ведется речь. Скорость, частота и амплитуда движения меняются в зависимости от того текста, который в данный момент произносится, и от того, в какой позе выполняется жест, например, стоит человек или сидит — в положении стоя размах и объем движения больше. Жест **махать двумя руками** — иллюстративный, поскольку всегда сопровождает речь, и относится к подклассу аккомпаниаторов, а не демонстраторов, так как является дополнительным средством экспрессии, а не служит для показа формы, размера, места или какого-то другого параметра текста или ситуации общения.

Это именно указательный жест: финны называют им то место в произносимом тексте, когда излагается некий факт или событие. Жест является контекстно жестко обусловленным. Сразу за ним, а чаще вместе с ним, следует предложение или более короткая синтаксическая группа, содержание которой является оговоркой или противоречием только что произнесенной фразе, той, что шла до жеста. Как мне объяснили финны, данный жест очень часто исполняется вместе и одновременно с произнесением финского аналога русского слова *но*.

Вот финн, которого я просил найти хельсинкский адрес одного человека, произносит по-английски *We've got an ad'dress* 'Мы достали адрес'. И, произнося эту фразу, человек машет обеими руками. Руки поднимаются вверх на артикле и опускаются вниз на ударном слоге слова *ad'dress*. Сразу вслед за жестом идет продолжение: *But it is written in Finnish* 'Но он написан на финском'. Это как раз и есть та самая оговорка, о которой я говорил выше. Она показывает, что воспользоваться бумажкой, на которой записан адрес, мне не удастся. Жест демонстрирует то, что адресат (здесь я сам) должен понять вторую часть текста как результат отбрасывания первой. Данным жестом первая часть текста как бы иконически выводится за пределы пространства говорящего и, что очень важно, руки при отбрасывающем движении отходят от корпуса чуть в сторону.

При жесте «**махать двумя руками**» возможны удлинители — в данном случае это был листочек бумажки с адресом, но могут быть и другие удлинители — ручка, карандаш и т. п.

Во время изучения данного жеста у меня возникло предположение, имеющее общий характер,

а именно, что иногда информации о наличии при каком-то жесте удлинителя и о характере удлинителя, информации, которая имеется в Словаре языка русских жестов (СЯРЖ 2001), может оказаться недостаточной для правильной реализации (исполнения) жеста. В ряде случаев необходимо указывать также место, куда во время исполнения жеста помещается удлинитель, а этой информации в СЯРЖ нет. Так, в жесте **махать двумя руками**, по утверждению финнов, предмет-удлинитель в норме помещается между пальцами, как та бумажка, которую держал студент, чтобы полная форма жеста в большой степени напоминала каноническое исполнение. Разумеется, пальцы тут уже не будут раскрытыми, однако предпочитаемое сходство форм остается.

Теперь остановлюсь на **прерванных жестах**.

Под прерванным жестом я имею в виду любой жест, реализация которого внезапно прекратилась внутри текущего коммуникативного или когнитивного процесса. Прерываться могут почти все жесты, но процесс прерывания легче всего увидеть на эмблемах. Прерванные жесты больше характерны для финской бытовой коммуникации, чем для коммуникации профессиональной, социальной или деловой.

Прерывание жеста выражает смыслы 'сбивчивости', 'несвязности' или отражает внезапный переход говорящего/жестикулирующего к другой мысли — переход, столь характерный для финской культуры. Прерванный жест подчеркивает изолированность, отдельность или, может быть, даже точнее, отделённость, одного человека от другого⁷. А потому не удивительно, что носителями многих других культур подобное невербальное поведение представляется как агрессия или как нарушение одного из кооперативных законов телесной коммуникативной этики. И собеседник финна, не знакомый или плохо знакомый с финской культурой, каковым был и я сам, обычно в недоумении заканчивает или на какое-то время прекращает разговор.

Прерывание жеста может происходить на разных стадиях его реализации — экскурсии, воспроизведении, рекурсии — и, естественно, может обозначать разные вещи. Прерванные жесты находятся в стороне от магистральной линии употребления знаков и выражаемых ими значений, но отражают соотношение между ментальностью, то есть когнитивными и психофизиологическими процессами, происходящими в мозгу финна, с одной стороны, и принципами знаковой коммуникацией финнов, с другой. Эти жесты тесно связаны с культурой стыда, то есть с тем понятием, которое, я убежден, от-

носится к основным этнокультурным характеристикам финского народа.

Приведу пример употребления прерванного жеста.

Отойдя на некоторое расстояние после вполне дружеского разговора со мной, женщина, повернувшись лицом, начинает махать мне на прощание рукой, исполняя хорошо знакомый мне прощальный жест. Однако в самом его начале, едва успев взмахнуть один, от силы два раза, рукой, женщина вдруг резко опускает руку, как бы о чем-то внезапно подумав или испытав внезапную боль, и полностью прекращает жестикуляцию. Она заметила, что на нее в этот момент кто-то смотрит.

Финны, с которыми я общался по-английски, когда я рассказал им про увиденное и поделился с ними тем, что в этот момент почувствовал, использовали для характеристики поведения женщины глагол *desert*. Этот глагол обозначает негативно окрашенное действие или поведение, ср. его русские эквиваленты: 'бросать, покидать (кого-л.); бежать (от кого-л.); а также сочетания *to desert a friend* 'оставить друга (в беде)'; *to desert one's family* 'бросить семью (на произвол судьбы)'; *to desert one's leader* 'оставить своего командира'.

Жест как элемент диалога оказался здесь совершенно бесполезным знаком, так как не нашел своего адресата. И все же не только этот, но и любой другой прерванный жест, понимается как значимый соматический нулевой знак, как знаковый отказ от, так сказать, материально выраженного жеста. Прерванный жест следует, на мой взгляд, интерпретировать как позитивный знак в системе культурной идентификации финнов — как коммуникативный знак присущих финнам скромности, стыда и аскетизма, а не как отражение полного безразличия к происходящему.

Прерванные жесты наряду со знаковым молчанием создают невербальную драматургию устного текста. Они говорят о том, что перед тем, как действовать, следует подумать, и если нужно, то подавить действия и уменьшить количество невербальных знаков либо изменить их качество, редуцируя (полную) стандартную форму.

Теперь несколько слов о знаках-взглядах.

В финской культуре есть один необычный взгляд, который имеет знаковую природу и который по-фински называется *katseluasento* 'увидел море'. На английский язык он переводится как *admiring the scenery*.

Визуальные наблюдения и анализ контекстов употребления *katseluasento*, а также последующий опрос информантов по поводу обнаруженных мной особенностей его употребления и употребления некоторых его номинаций в письменных текстах, позволяют выделить следующие смыслы жеста (ограничусь тут однословной характеристикой семанти-

⁷ Это *disconnectedness of individuals*, как выразился во время обсуждения понятия «прерванный жест» один из моих слушателей — финский студент, подтвердив мое предположение.

ки жеста, см. о ней в СЯРЖ 2001, Крейдлин 2002). Это 'концентрация внимания', 'восхищение увиденным', 'уединенность в пределах своего личного пространства', 'психологический отдых', или, по словам одного финна, 'resting mentally'.

Вот человек идет по улице, внезапно останавливается, голова чуть вскидывается вверх, руки опущены, локти чуть отведены назад, глаза уставлены в одну точку. Поза чуть похожа на русскую позу военных **Смирно**, или **Вытянуться по струнке**: глаза человека широко открыты, взгляд застывший, но в этой позе он не видит ничего вовне себя: взгляд устремлен вовнутрь, и сконцентрирован **только на том, что в этот момент увиденно внутренним взором**. Взгляд застыл, но ноги человека находятся в привычном и удобном положении, он может совершать мелкие движения туловищем на месте или пальцами, например, чуть постукивать ими по бокам или бедрам. Человек стоит так примерно 15 — 20 сек. Он находится на психологически далеком расстоянии от других людей.⁸ Эмблематический комплекс «застывший взгляд *katseluasento* + застывшая поза» сигнализирует, что никто и ничто не должно сейчас мешать человеку. Его невербальное поведение говорит о том, что ему сейчас нужно уединение и пространство — и не только физическое, но и психологическое. Именно самой этой актуально принимаемой позой такое личное пространство и устанавливается.

Пространство это закрыто для окружающих, так как жестикулирующий не хочет, чтобы его беспокоили, но оно легко открывается и становится доступным для проникновения внутрь. Если человека потревожат, то он не злится — по крайней мере, мне не было заметно, чтобы злился. И уж точно жестикулирующий человек не становится от этого враждебным к потревожившему его лицу. Мелкие, незначительные события (какой-то шум, встречный уличный поток, разговоры вокруг, говорящая реклама и др.), которые как помехи теоретически могли бы повлиять на поведение жестикулирующего, отвлечь его и вынудить изменить позу и взгляд, обычно этого не делают. Но если человека окликают, как это было в трех из примерно двадцати случаев употреблений описываемого жестового комплекса, отмеченных мной в общей сложности за примерно месяц пребывания в Финляндии, то такое событие уже не является незначительным. Человек, если к нему в этот момент обращаются, будто встряхивается, приходит в себя и «возвращается к обычной жизни».

«Перебивать» эти взгляд и позу, например, уставившись на жестикулирующего, или нарочно громко позвать его, считается социально неприемлемым

поведением. Окружающие сочтут вас невежливым, нарушающим законы этики, а то и бесчувственным и недружелюбным — у вас должна быть веская причина, чтобы помешать другому человеку вести себя таким образом. Напротив, не обращать на жестикулирующего внимания, считается проявлением уважения к личности и к личному пространству человека. Не смотреть на другого, когда на то нет особой необходимости, — это типичная черта финской культуры и коммуникативного поведения финнов. Вот еще один пример из моей собственной практики. Когда вы входите в аудиторию, где должны читать лекцию, коренных финнов среди студентов других национальностей выделить довольно просто: финские студенты как будто не замечают вас. Они просматривают какие-то бумаги, читают газеты и совсем не смотрят в вашу сторону, будто вас тут нет вообще. Они не обращают на вас никакого внимания до тех пор, пока вы не поздороваетесь со всеми слушателями и не скажете, что лекция начинается. По окончании ее финны тоже молча собираются и также молча покидают аудиторию, не смотря на вас и буркая в сторону нечто вроде «До свидания». В то же время, если вы обращаетесь к финну, будь то в помещении или на улице, с каким-то вопросом или просите помочь, на вас обязательно посмотрят и обязательно (!) помогут, если смогут

Финны говорят, что взгляд *katseluasento* чаще можно встретить весной и летом. Это, как мне кажется, можно объяснить тем, что весной и летом больше тепла и света, люди ведут себя более активно, и растет число жестов. Кроме того, людям в силу повышенной активности чаще нужна релаксация и требуется больше времени на отдых. Зимой же — холодно, темно, двигательная активность у людей, в том числе жестовая, снижена, и отдыхать по времени можно меньше.

В названии жеста присутствует элемент иронии, но за ним стоит известная любовь финнов к воде, к водной среде. Финны очень любят гулять по берегу моря, стоять на пирсе или у дамбы и просто смотреть на воду или поверх воды. Они часто проводят свободное время, например, отпуск, на берегу моря, озера или реки. Финны любят ходить в сауну, охлаждаться после парилки, сидя или лежа у края бассейна, стоять полуобнаженными с полотенцем поверх плеча или в руке и с каким-нибудь напитком и т. п. Наслаждаясь этим, финны могут ни на кого не смотреть, они как бы застывают в позе и взгляде. Именно так происходит невербальная реализация соответствующих смыслов.

В диалоге, однако, такой взгляд невозможен. Он недопустим даже в диалоге равноправных партнеров, не говоря уже о диалоге с ранжированными коммуникативными или социальными ролями. Одна студентка из Австрии, долгое время живущая в Хельсинки, прокомментировала это мое наблюдение следующим образом (цитирую в своем переводе

⁸ О видах расстояний, о физическом и психологическом расстояниях и о науке проксемики, которая изучает пространственные знаки и их использование в коммуникации, см., например, Крейдлин 2002а.

с английского прямо по записи): «Гость тоже не может так смотреть на хозяина. Когда тот ему что-нибудь показывает, там дом или сад, то гость по этикету должен выказывать удивление и восхищение». Взгляд *katseluasento* выглядел бы тут аномалией, психической диспропорцией, «дисбалансом», или *mental imbalance*, по замечанию той же студентки.

3. Заключение

Семантические области, в которых существуют и проявляют себя жесты, в значительной степени

являются культурно обусловленными. Телесная символика, включающая в себя жесты, позы, знаковые телодвижения, взгляды, касания, мимику и манеры, а также конкретные модели и приемы невербального выражения смысла, помогает реконструировать тот тип мышления, который стоит за ними и который обеспечивает существование и функционирование в данной культуре этих единиц, моделей и приемов. Она позволяет также обнаружить скрытые культурные смыслы, которые прошли мимо внимания тех лингвистов, которые исследуют исключительно вербальные компоненты коммуникации, и выявить некоторые механизмы и правила диалогического взаимодействия.

Литература

1. Крейдлин 2002а — Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Москва: «Новое литературное обозрение». 2002.
2. Крейдлин 2002б — Kreydlin, G. E. Ethics and etiquette in nonverbal signs ('Этика и этикет в невербальных знаках') // Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию со дня рождения проф. А. И. Кузнецовой (составители Т. Б. Агранат, О. А. Казакевич, под общей редакцией А. Е. Кибрика). Москва: Изд-во МГУ, 2002. С. 310–320.
3. Крейдлин 2005 — Крейдлин Г. Е. Невербальный контроль в диалоге: единицы, модели, правила / Труды международной конференции «Диалог' 2005: компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». Москва, 2005.
4. Крейдлин 2007 — Крейдлин Г. Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге: II А. Дейктические жесты и их типы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» Москва, вып. 6(13), 2007. С. 300–327.
5. Крейдлин Г. Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге: II Б. Дейктические жесты и речевые акты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2008» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.) — М., вып. 7 (14), 2008. С. 248–253.
6. Морозова Е. Б. О понятии невербального этикета (к постановке проблемы) // Агрессия в языке и речи. Сборник научных статей (составитель И. А. Шаронов). Москва: изд-во РГГУ, 2004. С. 67–80.
7. СЯРЖ 2001 — Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. Москва — Вена: «Языки русской культуры», Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 49, 2001.
8. De Jorio, A. Gesture in Naples and Gesture in Classical Antiquity. A translation of "La mimica degli antichi investigate nel gestire napoletano" (1832), and with an Introduction and Notes, by A. Kendon. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2000
9. Enfield, N. 'Lip-pointing': A discussion of form and function with reference to data from Laos. *Gesture*, v. 2, № 1, 2002. С. 185–211.
10. Sherzer, J. Verbal and nonverbal deixis: The pointed lip gesture among the San Blas Cuna. *Language in society*, 2, № 1, 1972. С. 117–131.